

Клочков В. В. Происхождение суверенитета и границы королевской прерогативы в торийской политической полемике в Великобритании последней трети XVIII века / В. В. Клочков, В. С. Назарова // Научный диалог. — 2021. — № 9. — С. 324—341. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-9-324-341.

Klochkov, V. V., Nazarova, V. S. (2021). Origin of Sovereignty and Boundaries of Royal Prerogative in Tory Political Controversy in Great Britain in Last Third of 18th Century. *Nauchnyi dialog*, 9: 324-341. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-9-324-341. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-9-324-341

**Происхождение
суверенитета
и границы королевской
прерогативы в торийской
политической полемике
в Великобритании
последней трети XVIII века**

Клочков Виктор Викторович
orcid.org/0000-0003-1850-6096
доктор исторических наук, доцент
vicpeel@mail.ru

Назарова Вероника Сергеевна
orcid.org/0000-0002-2583-121X
старший преподаватель
doord80@mail.ru

Южный федеральный университет
(Ростов-на-Дону, Россия)

**Origin of Sovereignty
and Boundaries of Royal
Prerogative in Tory Political
Controversy in Great Britain
in Last Third of 18th Century**

Viktor V. Klochkov
orcid.org/0000-0003-1850-6096
Doctor of History, Associate Professor
vicpeel@mail.ru

Veronika S. Nazarova
orcid.org/0000-0002-2583-121X
Senior Lecturer
doord80@mail.ru

Southern Federal University
(Rostov-on-Don, Russia)

© Клочков В. В., Назарова В. С., 2021

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматривается дискурс о природе и границах королевского суверенитета, развернувшийся с приходом к власти в Великобритании Георга III. Исследуются ключевые особенности и изменения в конституционных воззрениях тори, оформившиеся в 60—90-е годы XVIII века. Актуальность исследования заключается в определении характера и роли исследуемого дискурса в формировании новой торийской идентичности, концентрирующейся на интегральной роли монарха. Новизна исследования состоит в том, что сделан акцент на религиозной составляющей этого дискурса, а также в использовании церковных проповедей как особого рода источника. При этом некоторые отрывки проповедей впервые вводятся в научный оборот. Подчеркивается, что в исследуемый период у партии тори не существовало политической идеологии, а на текущую политику влияли опасения относительно устойчивости английской конституции, связанные с событиями в североамериканских колониях. Показана обоснованность осторожных подходов сторонников критического направления в современной британской историографии к оценке торийской идентичности в последней трети XVIII века. Представлена авторская оценка того, каким образом торизм 60—90-х годов XVIII века переосмысливает опыт «старых тори», сочетая традиционное уважение к королевской прерогативе с признанием прав и привилегий парламента.

Ключевые слова:

Великобритания; 60-90-е годы XVIII век; британская конституция; партия тори, политический дискурс; природа суверенитета; королевская прерогатива; полемика тори и вигов; британская историография.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The discourse on the nature and boundaries of royal sovereignty, which unfolded with the coming to power of George III in Great Britain, is considered. The key features and changes in the constitutional views of the Tories that took shape in the 60—90s of the 18th century are examined in the article. The relevance of the study lies in determining the nature and role of the discourse under study in the formation of a new Tory identity, concentrating on the integral role of the monarch. The novelty of the research lies in the emphasis on the religious component of this discourse, as well as in the use of church sermons as a special kind of source. At the same time, some excerpts of sermons are introduced into scientific circulation for the first time. It is emphasized that during the period under study, the Tory party did not have a political ideology, and the current policy was influenced by fears about the stability of the English constitution associated with the events in the North American colonies. The validity of the cautious approaches of the supporters of the critical direction in modern British historiography to the assessment of Tory identity in the last third of the 18th century is shown. The author's assessment of how Toryism of the 60—90s of the 18th century reinterprets the experience of the "old Tories", combining traditional respect for the royal prerogative with the recognition of the rights and privileges of parliament.

Key words:

Great Britain; 60-90s of the 18th century; British constitution; Tory party, political discourse; the nature of sovereignty; royal prerogative; the controversy between the Tories and the Whigs; British historiography.

УДК 94(410)“1770/1779”

Происхождение суверенитета и границы королевской прерогативы в торийской политической полемике в Великобритании последней трети XVIII века

© Клочков В. В., Назарова В. С., 2021

1. Введение и общий обзор проблемы

В Великобритании последней трети XVIII века вопросы о происхождении политической власти и обязанностях подданных по отношению к ней вновь оказались в центре политической повестки. По справедливому замечанию Дж. Ганна, в течение всего правления первых двух монархов ганноверской династии (1714—1760) не было особого разнообразия в работах, так или иначе затрагивающих проблемы происхождения правительства и — более широко — природу королевского суверенитета. Представления Дж. Локка об общественном договоре тогда постепенно утвердились в качестве общепринятых, а разногласия по поводу значения Славной революции, характерные для английской политической полемики конца XVII — начала XVIII веков, «почти незаметно ускользнули с переднего края политической дискуссии» [Gunn, 1974, p. 309].

Однако в последней трети XVIII века политический дискурс, связанный с осмыслением природы политической власти и границ королевской прерогативы, заметно оживляется. Отчасти это было связано с тем, что к моменту прихода к власти Георга III (1760—1820) тори, традиционно ощущавшие себя «партией двора» и «министрами короны», уже дистанцировались от крайних догматов непреложного наследственного права и неограниченной королевской прерогативы, характерных для их предшественников в период от Славной революции 1688 года до середины XVIII века [Клочков, 2017, с. 124]. При этом обычный для тори акцент на консервативном характере Славной революции сохранялся. Торийские публицисты подчеркивали, что единственным реальным изменением, внесенным ею в конституционное устройство страны, стало то, что Вильгельм и Мария Оранские не обрели титул монарха по божественному праву, а были утверждены в этом качестве парламентом. Один из наиболее авторитетных современных исследователей партии тори Д. Иствуд вполне обосновано показал, что в «Комментариях к законам Англии» (1765—1769) знаменитый английский правовед У. Блэкстоун «предложил по существу торийское прочтение истории Славной революции, отрицая, что изменение в линии наследования могло рассматриваться как эффективное подчинение коро-

ны парламенту и <...> что оно включило какой-либо элемент народного суверенитета в конституцию» (здесь и далее перевод наш. — В. К., В. Н.) [Eastwood, 1993, p. 202].

Конечно, размышления У. Блэкстоуна о границах прерогативы и в последней трети XVIII века зачастую воспринимались весьма скептически, на что обратил внимание один из основоположников критического направления в современной английской историографии проблемы Дж. Кларк [Clark, 2000, p. 186]. Тем не менее размышления Д. Иствуда и Дж. Кларка убедительно иллюстрируют тезис о том, что в последней трети XVIII века все еще сохранялась относительная неопределенность представления о том, что на самом деле (в отличие от умозрительного идеала Дж. Локка) подразумевал идеал смешанного правительства и сбалансированной конституции в политической практике Великобритании. Вопросы, касающиеся того, какие прерогативные полномочия корона безусловно сохранила за собой и каково ее отношение к парламенту, порождали серьезные споры с самого начала правления Георга III. Особенно острыми разногласия становились, когда дело доходило до обсуждения вопросов о том, где проходит граница между прерогативой короны и полномочиями парламента, а также о том, как эта граница фиксируется в английском праве (*Constitution Established by Law*). Восстание в североамериканских колониях Великобритании в 1770–е годы, основанное на предположениях о естественном состоянии и нарушенном общественном договоре, оживило те аргументы полемики, в которых подчеркивалась народная основа политического суверенитета. То же самое произошло и с внутривнутриполитическим спором, который был вызван широко известным делом об исключении Дж. Уилкса из парламента, которое совпало с североамериканскими событиями. Именно в теориях свободы, аналогичных концепции Дж. Локка и вытекающих из представлений о народном суверенитете, оказались заложены основы легитимации неподчинения и, как показали события в Америке, сопротивления королевской власти.

Ниже будет аргументирован тезис о том, что исследуемый дискурс о природе и границах королевского суверенитета в английской конституционной теории и практике последней трети XVIII века способствовал развитию все более отчетливой торийской идентичности, концентрирующейся не на уникальной, а на интегральной роли монарха в конституционном устройстве Великобритании. Многие торийские авторы стремились показать, что отмеченные выше консервативные итоги Славной революции положили начало политической концепции, в соответствии с которой власть короны не должна существовать несвязанной. Следовательно, отказ от первоначальных представлений о произвольной и абсолютной монар-

хической власти, характерных для так называемых «старых тори» в конце XVII века, в значительной степени позволил торийской идентичности модернизироваться в соответствии с актуальными политическими теориями последней трети XVIII — начала XIX веков.

Новизна исследования заключается в том, что отмеченный политический дискурс рассматривается во всей его полноте, включая не только светских авторов, на изучении произведений которых обычно концентрируются исследователи данной проблематики, но и адептов традиционной англиканской церкви, проповедующих в ассизах, а также приверженцев различных протестантских деноминаций. Это обстоятельство в значительной мере предопределило источниковую базу исследования: были использованы проповеди, выходившие в свет малыми тиражами в последней трети XVIII века и сохранившиеся в локальных английских библиотеках. Некоторые отрывки из этих проповедей впервые введены в научный оборот в данной статье. В частности, это относится к черновику проповеди торийского проповедника и приверженца официальной церкви Томаса Барнарда [MS 61, р. 2–4], отрывок из которого был обнаружен автором в библиотеке университета г. Саутгемптона в 2018 году и ранее не привлекался в качестве источника при описании политического дискурса, на котором сосредоточено внимание в настоящей работе.

2. Светский политический дискурс о прерогативах короны

Вопрос о границах королевской прерогативы в рамках британского конституционного устройства в период правления третьего из «великолепных Георгов» был впервые поднят в 1764 году Тимоти Брекнокком, адвокатом и ранее журналистом ньюкаслской газеты, в политическом эссе «Droit de le Roy» («Право короля»). Эта работа содержала пространное описание наследственных притязаний государя на престол, что не было чем-то необычным в свете династических разногласий между Стюартами и Ганноверами, которыми были отмечены царствования Георга I и Георга II. Однако характерно, что Т. Брекнок был озабочен не только обоснованием права Георга III на трон, но и утверждением еще одного его права — «на ту абсолютную и суверенную королевскую власть над подданными этой нации, на которую до сих пор претендовали и которой пользовались его королевские предшественники, короли и королевы Англии» [Brecknock, 1764, р. 24]. Главный аргумент Т. Брекнока основывался на том консервативном представлении, что Яков II, сознавая свое нарушение англиканской коронационной клятвы (напомним, что королем Англии не может быть католик), отрекся от престола в 1688 году, а не был свергнут. Следовательно, утверждал Т. Брекнок, «это правление не

допускает никакого *inter regnum*»; корона просто перешла к следующему протестантскому преемнику «по законам королевства», а ее полномочия остались нетронутыми [Ibid.].

Чтобы подкрепить свою точку зрения, что королевская prerogative не была уменьшена Славной революцией, Т. Брекнок обратился к современной ему конституционной практике. По его мнению, «король содержал в себе всю полноту власти для утверждения и принятия законов, представленных палатами парламента; он обеспечивал жизнь наших законов ... жизнь нашего мира» [Ibid., p. 27]. Представление о том, что власть короля принимать законы зависит от согласия парламента, лишь делает верхнюю и нижнюю палаты «партнерами суверенитета» в «трехстороннем и скоординированном правительстве». Согласие парламента в данном контексте, подчеркивал Т. Брекнок, оставалось привилегией, и этот институт не осуществлял «согласованной и равной власти с суверенитетом короны». Предполагать, что это так, значило бы игнорировать источник, из которого проистекала власть парламента. Т. Брекнок подчеркивает, что «власть, которой они (парламентарии. — *B. K., B. H.*) обладают, изначально не в них самих, а исходит от королевских даров и милостей; они — просто уступки милости» [Ibid., p. 32]. Это была, по существу, весьма консервативная и традиционалистская теория правления, которая продолжала постулировать модель монархической власти как основу, из которой производились свободы. Важно отметить, что Т. Брекнок решительно отвергал характерные для вигов (политических оппонентов тори) представления о том, что власть короны существует в пределах взаимно согласованных ограничений. В результате памфлет Т. Брекнока не только вызвал споры, но и был сожжен по приказу парламента. Интересно отметить, однако, что сам Т. Брекнок, разочарованный неудачей своего сочинения, вполне искренне полагал, что «*Droit de le Roü*» все же послужит амбициям Георга III.

Новый всплеск интереса к политическим теориям, различным образом обосновывающим природу королевской власти и границы монаршей prerogative в британском политическом дискурсе, был спровоцирован восстанием североамериканских колоний против власти английского монарха. Примером такой полемики может служить дискуссия сторонника тори, известного религиозного писателя Уильяма Стивенса, и священника-вига Ричарда Уотсона. Сбалансированное конституционное устройство было главной презумпцией теории «конституционного равновесия», высказанной Р. Уотсоном. Именно ее атаковал У. Стивенс: он отвергал тезисы Р. Уотсона, основанные на политической теории Дж. Локка, как «слабо сконструированные», а также такие, которые в полном соответствии с римским историком Тацитом представляют собой «смесь, что ... неиз-

бежно должна вызвать конвульсии и закончиться распадом политического тела» [Stevens, 1776, p. 11]. Более того, эта теория, по мнению У. Стивенса, не была подкреплена английским правом, поскольку «по закону три сословия королевства — это лорды духовные, лорды светские и лорды общин, причем король не является одним из трех сословий, но отличается от них и превосходит их» [Ibid.]. В качестве доказательства У. Стивенс опирался на идиомы ритуалистической риторики, которые обозначали обязанность подданного перед государством: «служба нашей церкви», в которой молитвы о сохранении ссылались не на «три сословия, короля, лордов и общин, а на то, что они должны были исполнить». Точно так же в молитвах, читаемых во время парламентских заседаний, говорилось: «Верховный суд парламента собрался под началом нашего всемилостивейшего короля». Далее У. Стивенс пишет: «Мы не клянемся в верности и истинной преданности королю и двум палатам парламента, как наши верховные и суверенные лорды, и нет никакой измены парламенту; но мы клянемся в верности и истинной преданности королю, и его мы должны защищать изо всех сил» [Ibid., p. 14]. С этим последним доказательством У. Стивенс переходит к обоснованию отказа от парламентского суверенитета. Он продолжал утверждать, что тот факт, что палата общин и лорды присягали на верность монарху, свидетельствует о том, что они были «не суверенной властью», а только «согражданами», подчиненными верховной власти в государстве, а именно королю [Ibid.].

Современный исследователь Г. Дикинсон в данном контексте не без оснований утверждал, что в течение десятилетий, последовавших за Славной революцией, тори лишь постепенно принимали парламент как непреодолимую и суверенную власть в государстве [Dickinson, 1976, p. 194]. Идея же королевского превосходства оставалась фундаментальной для «старых тори». Так, У. Стивенс был готов подчеркнуть монархический суверенитет ввиду событий в Североамериканских колониях: в 1776 году он отредактировал и переиздал работу Роджера Нортона, озаглавленную «Рассуждение о конституции». По-видимому, его цель состояла в том, чтобы «показать общественности, как она увлекается абсурдными толкованиями конституции», и «снабдить ее несколькими рациональными принципами, касающимися природы гражданской власти ... и положительных законов их собственной страны» [North, 1776, p. vii].

Текст Р. Нортона начинался с защиты доктрины «старых тори», изложенной в простых юридических терминах: «Ничто не может оправдать сопротивление, кроме того, что будет равносильно справедливой и законной защите по обвинению в государственной измене». Это была конституционная максима, в соответствии с которой король не может сделать

ничего плохого. Однако Р. Норт продолжал обосновывать необходимость абсолютного суверенитета, власти, которая, «где бы она ни находилась, является и должна быть неконтролируемой и непреодолимой» [North, 1776, p. 32]. Эта идея была аксиомой, однако Р. Норт был готов в своем эссе признать, что эта непреодолимая власть была заключена «в короне вместе с двумя палатами парламента, когда они были должным образом собраны ... будучи тем, что называется законодательной властью, которую ни один подданный не должен ни оспаривать, ни ей сопротивляться» [Ibid.]. Таким образом, формально Р. Норт признавал понятие парламентского суверенитета. Но соглашение между тремя органами — королем, лордами и палатой общин — на практике не было равноценным. Независимо от того, есть ли «законодательная власть или нет, всегда есть верховная власть, которая командует всеми силами в государстве», и этой властью для Р. Норты была корона. Обе палаты парламента сохраняли эту «совместную власть» лишь благодаря праву ходатайствовать перед короной. Р. Норт писал, что «парламент не претендовал на какую-либо надлежащую власть в правительстве» [North, 1776, p. 64]. Только корона в рамках своей прерогативы «давала существование или свободу действий законам» [Ibid.]. Власть короны — это верховная власть, и именно против нее было направлено выступление североамериканских колоний [Ibid.].

Следует заметить, что к началу 70-х годов XVIII века подданные английской короны в Северной Америке все больше склонялись к отказу от парламентского суверенитета, делая акцент на верности только короле. Это послужило прекрасным фоном для переосмысления основ законодательной власти (в смысле сопротивления ее законам), которое подчеркивало роль монарха. В тексте Р. Норты утверждалось, что именно согласие короля было стержнем в конституционном устройстве Великобритании; он был основой закона, а не парламент. Было невозможно, чтобы могло иметь место «сопротивление силой» против законодательного органа, поскольку «законы сами по себе являются лишь голосом или словами власти и обладают властью создавать обязанности, но не имеют активной силы, принуждающей к повиновению, или к которой может быть применено сопротивление ... когда исполнительная власть выступает с сильной рукой, тогда есть чему сопротивляться ... Поэтому сопротивление или повиновение ... относятся всецело к исполнительной власти, без которой законодательная слаба и неэффективна; теперь вся остальная верховная власть принадлежит правительству ... и это делает корону Англии непреодолимая силой; противодействие ей является преступлением, которое законы называют изменой или мятежом» [North, 1776, p. 76]. С этой точки зрения восстание американцев против британских законов

не представляло собой осуществление исторического права на сопротивление; оно также не могло быть узаконено как отказ от парламентской власти. Скорее, это повлекло за собой сопротивление авторитету короны, и, как уточняется в тексте Р. Норта, именно в этом качестве подобное сопротивление является изменой.

3. Полемика о природе и границах власти: религиозный аспект

Для священников англиканской церкви, проповедовавших в ассизах, где закон пересекался с религией и где вопросы послушания оказывались частой темой проповедей, была характерна несколько иная перспектива как относительно корней недовольства в североамериканских колониях, так и в отношении текущей внутриполитической повестки. Упомянутый выше торийский проповедник Т. Барнард, выступая перед присяжными в Лондондерри в 1772 году, заявил, что «дух фракционности в каждой части Британской империи поднялся до такой степени, что ни одна нация в состоянии мнимого внутреннего мира никогда еще не могла увидеть» [Barnard, 1773, p. 18]. Мятеж в североамериканских колониях, по мнению Т. Барнарда, был направлен «против любого правительства вообще ... законная свобода — это их крик, но абсолютная независимость — это цель, к которой они на самом деле стремятся» [Ibid.].

Подобные жалобы на природу североамериканского мятежа были характерны не только для представителей традиционной англиканской церкви. Напротив, сторонники различных протестантских деноминаций зачастую были более радикальны, а в их проповедях звучали опасения, что определения свободы используются в качестве риторического оружия с «плохо продуманными и амбициозными целями», чтобы поднять недовольное население в оппозицию власти. Так, в своих «Размышлениях о происхождении власти» (1772) методистский лидер Джон Уэсли сокрушался, что идеи народного суверенитета теперь «в моде и обычно поддерживаются с самым полным и сильным убеждением, как истина, немного менее чем самоочевидная» [Wesley, 1776, p. 6]. Дж. Уэсли признавал, что в мире существуют различные формы правления, включая монархию, аристократию и демократию, но его в первую очередь интересовал вопрос о происхождении власти. Он писал: «Главный вопрос заключается не в том, в ком эта власть заложена, а в том, от кого она в конечном счете происходит» [Ibid.]. Его ответ заключался в том, что «старая книга, обычно называемая Библией, является правдой. Поэтому я верю, что нет силы, кроме как от Бога (*Рим, viii, 1*). Власть имущие предопределены Богом. И нет никакой высшей власти, никакой власти меча, жизни и смерти, кроме той, что исходит от Бога, Владыки Всего сущего» [Ibid.].

Этот небольшой по объему текст был специально написан для того, чтобы осудить понятия народного суверенитета, нападая на презумпцию первоначального договора между правителем и управляемым, из которого он был выведен. Теологические истоки власти легли в основу политической концептуализации такого типа государства, в котором подчеркивался долг субъекта. Во время восстания в североамериканских колониях именно в артикуляциях отношений между Богом, правителем и управляемым, кристаллизовались наиболее заметные противоречия в идиомах, связанных со старым торизмом. В своей проповеди о происхождении гражданского правления, прочитанной в 1769 году и неоднократно переиздававшейся, кузен упомянутого выше У. Стивенса Джордж Хорн утверждал, что представления об эгалитарном состоянии природы абсурдны: это «состояние ... было состоянием подчинения, а не равенства и независимости, в котором человечество никогда не существовало и никогда не сможет существовать» [Horne, 1775, p. 9]. По мнению Дж. Хорна, человеческое существование с самого начала характеризовалось патриархальным подчинением: «одни рождались подчиненными другим» [Ibid.]. Проповедник не отрицал, что аристократия и демократия впоследствии были выведены в некоторых государствах из общественного договора, но он утверждал, что такие формы правления были «незаконными» и обычно возникали вследствие отказа от «верности ... естественным правителям». Вывод же состоял в том, что если патриархальные отношения составляли законные истоки политической власти, то они должны были быть основаны на патриархальных отношениях, когда монархия представляла собой единственную законную форму правления [Ibid.].

Спорным остается вопрос о том, насколько серьезное влияние оказывали подобные проповеди на суть и смысл публичной политической полемики в последней трети XVIII века. Как представляется, наиболее прагматичной в этом отношении выглядит позиция Дж. Кларка. Нам представляется, что один из самых известных британских историков последнего времени вполне обоснованно полагает, что проповеди в ассизах хотя и служили контекстом для частых напоминаний о связи между религией и правительством, особенно проявлявшейся в божественной природе закона, но большинство проповедников не углублялись в обсуждение самих основ правления [Clark, 2000, p. 194].

С другой стороны, интерпретация Дж. Хорном происхождения суверенитета не была единственной в своем роде. Скорее, его проповедь присоединилась к волне выступлений проповедников, которые обосновывали старое представление тори о том, что истоки политической власти были патриархальными, и использовали его, чтобы проповедовать повинове-

ние монархическому правительству. Так, в 1776 году, сразу после начала военного конфликта с североамериканскими колониями, торийский священник Джон Кольридж отверг идею общественного договора и использовал библейские аргументы в защиту адамистской теории происхождения монархии и «священного права королей». Через старую торийскую идею патриархального правления Дж. Кольридж воскрешал идиомы сакрального роялизма и связанной с ним обязанности подданных подчиняться королевской власти. Он писал: «Если королевская власть — это божественное учреждение, люди ... должны повиноваться всем законным приказам ради совести. Христиане узнали от Христа, что всякая власть исходит от Бога и что поэтому они должны подчиняться ей. Это, по крайней мере, учение, которое мы узнаем из его [Христа] покорного поведения перед Пилатом» [Coleridge, 1777, p. 13].

Тем не менее увещевания относительно божественности права королей и незаконности сопротивления, характерные для «старых тори», легко разжигали острую публичную полемику. Английское общество последней трети XVIII века было все же достаточно зрелым для того, чтобы не смешивать доктрину пассивного повиновения с обычной проповедью христианской добродетели [Clark, 2000, p. 196]. Даже консервативные виги, несмотря на проповедь послушания правительству, часто и недвусмысленно заявляли, что Писание не поддерживает старые доктрины тори о непротивлении и пассивном повиновении. Их яркий представитель Джордж Кэмпбелл, затронувший вопрос о повиновении власти в инаугурационной проповеди в Абердине в 1778 году, счел «необходимым предварить» свою речь утверждением, что он «не помышлял спорить о рабских, противоестественных и несправедливых принципах пассивного послушания и непротивления» [Campbell, 1778, p. 21]. Точно так же Уильям Маркхэм, епископ Честера и с 1776 года архиепископ Йоркский, произнося мученическую проповедь (ежегодно оглашается 31 января, в годовщину казни Карла I) в палате лордов в 1774 году, заявил, что Евангелие должно быть «странно извращено, чтобы поддержать принцип “неограниченного послушания”» [Markham, 1774, p. 8]. Таким образом, в то время как «старые тори» и консервативные виги сходились в оппозиции к притязаниям американских колоний, доктрины, на основе которых они отвергали эти притязания, существенным образом различались.

Как полагала в свое время Кейт Фейлинг, в годы, последовавшие за Славной революцией, тори приняли теорию о том, что Яков II покинул свой трон «добровольным, непринужденным и преступным бегством», а не был свергнут. Престол оказался вакантным и был занят в соответствии с правом «законным протестантским наследником», поэтому данное со-

бытие не создало прецедента, чтобы подданные могли законно свергать монархов. По ее мнению, эта оценка резонировала с интерпретацией консервативных виггов, для которых Славная революция «по необходимости ... изменила преемственность, но сохранила всю структуру наших законов и политики» [Feiling, 1938, p. 148].

Консенсус между консервативными виггами и тори относительно антипопулистской и промонархической интерпретации событий 1688 года был закреплен в контексте Французской революции, когда в 1790 году Э. Берк опубликовал свои знаменитые «Размышления о революции во Франции». Однако важно понимать, что разрыв в линии наследования, каким бы минимальным или необходимым он ни был, подорвал старую доктрину тори о непреложной наследственной преемственности. Уже одно это могло сделать традиционный для тори акцент на божественную природу королевской прерогативы проблематичным. Однако упомянутые выше Дж. Ганн и Дж. Кларк справедливо указывают, что эта модифицированная версия божественного права продолжала использоваться еще долго после Славной революции для защиты притязаний монархов ганноверской династии на английский трон. В контексте последней трети XVIII века эта теория все еще сохраняла свою значимость в качестве средства противодействия понятиям народного суверенитета и сопротивления.

Понятие провиденциальной санкции позволяло тори прийти к согласию относительно формы правления, которой следовало бы подчиняться. В контексте событий в североамериканских колониях Дж. Хорн, Дж. Кольридж и У. Стивенс полагались на патриархальное понимание происхождения политической власти, утверждая, что монархия была божественной. Однако Дж. Хорн был готов модифицировать свое объяснение соотношения между божественной природой королевской прерогативы и полномочиями парламента и кабинета министров. Он уже признавал, что «в той мере, в какой это относится к различным способам, посредством которых в различных конституциях правители наделяются своей властью, правительство было тем, что св. Петр называет указом человека, регулируемым человеческими законами» [Horne, 1775, p. 10]. После вступления этих законов в силу, подданные были обязаны подчиняться им как религиозному долгу [Ibid.].

Однако эта уступка не означала, что Дж. Хорн пожертвовал патриархальным видением происхождения политической власти. В 1789 году, проповедуя в Кентерберийском соборе, он признал, что «были разные виды правительств среди людей в разные эпохи и в разных странах, и все же в начале были только дети одного человека, жившие под опекой своего отца» [Duncan, 2015, p. 124]. Власть же английского короля понималась как «на-

столько определенная и установленная, что он не может сделать ничего плохого», поскольку король действует «с согласия и по совету обеих палат парламента» [Ibid.]. Поэтому риторическая уступка Дж. Хорна не обязательно означала, что он признает различные прерогативные полномочия в английской конституции равными по статусу. Его проповедь была настроена не на то, чтобы определить отношения между различными элементами конституции, а на то, чтобы подчеркнуть обязанности подданных. Тем не менее признание того, что британская конституция представляет собой смесь конституционных полномочий, осуществляющих взаимный контроль, отражало отход от традиционных торийских представлений об абсолютной монархии XVII века.

Точка зрения Дж. Хорна не была общепринятой среди торийских проповедников. Некоторые из них утверждали, что Библия «не предусматривает никаких крайних случаев, но устанавливает только общий принцип повиновения правительству» [Duncan, 2015, p. 132]. Требование права на сопротивление оставляло его «на усмотрение и распоряжение сторон, к которым этот принцип направлен, определять, в каких случаях и при каких обстоятельствах он должен применяться. Следовательно, это право было изначально ущербным, ибо если законное осуществление сопротивления должно было определяться сопротивляющейся стороной, то ... [о законности его] судят мятежные присяжные» [Ibid.]. Таким образом, несмотря на отказ от неосуществимой наследственной преемственности и уступок в отношении формы правления, проповедники тори в целом продолжали отвергать идеи права на сопротивление даже в конце XVIII века.

Важно, однако, что при этом подданным позволялось прибегать к требованиям по возмещению ущерба, причиненного магистратами в случае злоупотребления властью. Для Дж. Хорна само понятие повиновения явно не «распространялось на отказ от тех прав, на которые гражданин может законно претендовать» [Horne, 1775, p. 10]. Согласно его мнению, каждая конституция предоставляла правовую защиту для протеста против незаконных действий, и Священное Писание, вместо того чтобы «указывать на безусловное подчинение власти, незаконно осуществляемой ... отсылает нас, для исполнения нашего долга в конкретных случаях, к законам и конституции нашей страны» [Ibid.]. Если же действия монарха «осуществляются иначе, чем законно, то наша конституция, насколько она вообще применима к этому случаю, перестает существовать» [Ibid.]. Яснее говоря, подданным предписывалось использовать законные конституционные средства для устранения поводов для недовольства, а не сопротивляться и пытаться свергнуть правительство.

Однако не все рассуждения тори были столь же осторожными, как у перечисленных выше авторов. Французская революция внесла в английскую политическую повестку объединенную угрозу республиканизма и атеизма, смещая акцент дискурса в сторону рассуждений о божественной природе монархической власти, существующей в законных пределах. Так, Г. Пендлтон в своем систематическом исследовании консервативной пропаганды в период между 1789 и 1802 годами указала на то обстоятельство, что «огромное количество торийских проповедников все еще верили в божественное право королей в том виде, как оно было сформулировано Р. Филмером за полтора столетия до этого» [Pendleton, 1976, p. 184]. В число наиболее ярких приверженцев этого взгляда на вещи был «старый тори» Джон Уитакер, который полагал, что в 1790-х годах «аргументы о патриархальном происхождении правительства гораздо более востребованы, поскольку дух республиканизма сейчас в значительной степени возобладали среди публики» [Whitaker, 1795, p. 36]. Дж. Уитакер отвергал представления об эгалитарном состоянии природы. По его мнению, человечество возникло из одной пары, Адама и Евы, один из которых с самого начала был поставлен выше другого. Установив таким образом божественность правления, Дж. Уитакер продолжал утверждать, что монархия была «первичной, естественной, божественной формой правления для человека» [Ibid.].

Подобный взгляд на происхождение правительства характерен и для Дж. Ривза в его «Размышлениях об английском правительстве» (1795). Автор опирается на откровение, доказывая, что правительство всегда было ровесником существования человека, и, как следствие, отрицает, что «правительство — это суть человеческое изобретение и что его власть исходит исключительно от народа и подчиняется ему» [Reeves, 1795, p. 82]. В то же время, когда дело доходило до представлений о прерогативах монарха, оценки Дж. Ривза становились более умеренными: «В этом состоянии очевидно отметить, что был самый естественный и удобный для человека способ учреждения правительства — первоначальное назначение Богом для проповеди божественного наследственного права, тогда как свободы парламента не исходят не от Бога, а от милости королей» [Reeves, 1795, p. 106].

4. Выводы

Таким образом, очевидно, что к концу XVIII века тори, несмотря на очевидный консерватизм их риторики, больше не отстаивали идиомы божественного права, обосновывающие сохранение абсолютного положения короля в английской политической системе, а признание роли парламен-

та по сути означало для них отход от защиты произвольного осуществления прерогативы. Но этот отход осуществлялся весьма своеобразно: тори конца XVIII века уже признавали законные пределы королевской власти, используя для подтверждения этой позиции элементы аргументации «старых тори», постепенно продвигаясь к идее о том, что стержнем английской политической системы является убежденность в том, что власть короны не должна существовать несвязанной. Принимая концепцию провиденциального божественного права в противоположность непреложному божественному праву королей, тори конца XVIII века все еще были склонны разделять идеи о патриархальном происхождении правительства, пассивном повиновении и непротивлении ему со стороны подданных. Они скептически относились к представлениям о народном суверенитете и праве на спорадическое народное сопротивление, считая доктрины, признающие подобное право, опасными абстракциями. Тори исследуемого периода подчеркивали консервативную интерпретацию Славной революции как события, которое, вместо того чтобы установить выборную монархию, защитило принцип наследственной преемственности. Эти идеологические разработки служили частью сознательной попытки определить идентичность тори как наследников Славной революции, ныне сочетающих это наследие с верностью ганноверской династии.

Наиболее рельефно этот тезис, воспринятый позднее многими исследователями партии тори, выделил Алан Маконахью, лорд Мидоубэнк, в своей статье в консервативном журнале «Квотерли ревью» в 1809 году [Maconochie, 1809, p. 246]. Современная историография проблемы также исходит из того, что тори не придерживалась строгих принципов, а на текущую политику влияли вполне конкретные опасения относительно устойчивости английской конституции в тот или иной момент времени. Как бы парадоксально это ни звучало, но элемент, воспринимаемый как наиболее угрожающий ей сегодня, мог стать базой для ее сохранения завтра. Так, попытка Георга III в 1784 году узурпировать прерогативу выбора министров на мгновение сделала нацию тори, и то же самое сделала французская революция. В этих условиях отчетливая торийская идентичность, независимо от того, был ли этот термин условно принят в тогдашнем политическом дискурсе, коренилась не в конкретных доктринах, а в объединяющем их стремлении защищать права короны. В этом отношении торийская идентичность 60—90-х годов XVIII века все еще продолжала соответствовать своему историческому происхождению от «старых тори». Но уже в это время она не была ограничена только этим, уже почти историческим значением. Скорее, можно говорить о том, что в последней трети XVIII века идеологические характеристики торийской доктрины находились в процессе

серьезного пересмотра, итогом которого станет серьезная трансформация самих тори из группы парламентских фракций в политическую партию в первой трети XIX века.

Источники и принятые сокращения

1. *Barnard T.* A Sermon Preached in the Cathedral Church of London–Derry, on Sunday, September 13, 1772. Before the Judges of Assize and Gentlemen of the County there Assembled / T. Barnard. — London : Whatley, 1773. — 32 p.
2. *Brecknock T.* Droit de la Roi. Or a Digest of the Rights and Prerogatives of the Imperial Crown of the Great Britain / T. Brecknock. — London : Roak & Varty, 1764. — 126 p.
3. *Campbell J.* The Nature, Extent, and Importance, of the Duty of Allegiance : A Sermon, Preached at Aberdeen, December 12, 1776, being the First Day Appointed by the King / J. Campbell. — Aberdeen : [b. i.], 1778. — 17 p.
4. *Coleridge J.* Government not Originally Proceeding from Human Agency, but Divine Institution / J. Coleridge. — London : [b. i.], 1777. — 17 p.
5. *Horne G.* The Providence of God Manifested in the Rise and Fall of Empires. A Sermon Preached at St. Mary's, in Oxford, and at the Assizes on Thursday, July 27, 1775 / G. Horne. — Oxford : University Press, 1775. — 21 p.
6. *Markham W.* The Bishop of Chester's Sermon Preached Before the House of Lords January 31, 1774 / W. Markham. — London : [b. i.], 1774. — 22 p.
7. MS 61 — *University of Southampton Manuscript Collection.* MS 61. WP 61 2/1-172.
8. *North R.* A Discourse on the English Constitution ; Extracted from a Late Eminent Writer and Applicable to the Present Times / R. North ; Ed. by W. Stevens. — London : Printed for G. Robinson, 1776. — 112 p.
9. *Reeves J.* Thoughts on English Government Addressed to the Quite Good Sense of the People of England in a Series of Letters. Letter the First / J. Reeves. — London : Whatley, 1795. — 192 p.
10. *Stevens W.* The Revolution Vindicated, and Constitutional Liberty Asserted. In Answer to the Reverend Dr. Watson's Assesion Sermon, Preached Before the University of Cambridge, on October 25 / W. Stevens. — Cambridge : University Press, 1777. — 24 p.
11. *Wesley J.* Thoughts Concerning the Origin of Power / J. Wesley. — Bristol : [b. i.], 1776. — 8 p.
12. *Whitaker J.* The Real Origin of Government / J. Whitaker. — London : [b. i.], 1795. — 61 p.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Клочков В. В.* Партия тори-консерваторов и «конституционная революция» 1822—1835 гг. в Великобритании / В. В. Клочков. — Ростов-на-Дону : Издательство Южного федерального университета, 2017. — 480 с.
2. *Clark J. C. D.* English Society 1660—1832 : Ideology, Social Structure and Political Practice During the Ancien Regime / J. C. D. Clark. — London : Longman, 2000. — 412 p.
3. *Dickinson H. T.* The Eighteenth Century Debate on the Sovereignty of Parliament / H. T. Dickinson // Transactions of the Royal Historical Society. — 1976 (December). — Vol. 26. — Pp. 190—209.
4. *Duncan F. E.* The Development of a Tory Ideology and Identity, 1760—1832 / F. E. Duncan. — Unpublished PhD Thesis. — Sterling : Stirling University, 2015. — 290 p.

5. Eastwood D. John Reeves and the Contested Idea of the Constitution / D. Eastwood // *British Journal for Eighteenth Century Studies*. — 1993. — № 13. — Pp. 196—214.
6. Feiling K. The Second Tory Party / K. Feiling. — London : Hodder & Stoughton, 1938. — 392 p.
7. Gunn J. A. W. Influence, Parties and Constitution : Changing Attitudes, 1783—1832 / J. A. W. Gunn // *Historical Journal*. — 1974. — Vol. 17. — № 2. — Pp. 298—316.
8. Maconochie A. Whig and Tory at the Time of the Glorious Revolution / A. Maconochie // *Quarterly Review*. — 1809 (November). — Vol. 2. — № 4. — Pp. 240—258.
9. Pendleton G. T. English Conservative Propaganda During the French Revolution, 1789—1802 / G. T. Pendleton. — Unpublished PhD Thesis. — Atlanta : Emory University, 1976. — 264 p.

MATERIAL RESOURCES

- Barnard, T. (1773). *A Sermon Preached in the Cathedral Church of London—Derry, on Sun-day, September 13, 1772. Before the Judges of Assize and Gentlemen of the County there Assembled*. London: Whatley. 32 p.
- Brecknock, T. (1764). *Droit de la Roi. Or a Digest of the Rights and Prerogatives of the Imperial Crown of the Great Britain*. London: Roak & Varty. 126 p.
- Campbell, J. (1778). *The Nature, Extent, and Importance, of the Duty of Allegiance: A Sermon, Preached at Aberdeen, December 12, 1776, being the First Day Appointed by the King*. Aberdeen: [b. i.]. 17 p.
- Coleridge, J. (1777). *Government not Originally Proceeding from Human Agency, but Di-vine Institution*. London: [b. i.]. 17 p.
- Horne, G. (1775). *The Providence of God Manifested in the Rise and Fall of Empires. A Sermon Preached at St. Mary's, in Oxford, and at the Assizes on Thursday, July 27, 1775*. Oxford: University Press. 21 p.
- Markham, W. (1774). *The Bishop of Chester's Sermon Preached Before the House of Lords January 31, 1774*. London: [b. i.]. 22 p.
- MS 61 — *University of Southampton Manuscript Collection. MS 61. WP 61 2/1-172*.
- North, R., Stevens, W. (ed.). (1776). *A Discourse on the English Constitution; Extracted from a Late Eminent Writer and Applicable to the Ptesent Times*. London: Printed for G.Robinson. 112 p.
- Reeves, J. (1795). *Thoughts on English Government Addressed to the Quite Good Sense of the People of England in a Series of Letters. Letter the First*. London: Whatley. 192 p.
- Stevens, W. (1777). *The Revolution Vindicated, and Constitutional Liberty Asserted. In Answer to the Reverend Dr. Watson's Assesion Sermon, Preached Before the University of Cambridge, on October 25*. Cambridge: University Press. 24 p.
- Wesley, J. (1776). *Thoughts Concerning the Origin of Power*. Bristol: [b. i.]. 8 p.
- Whitaker, J. (1795). *The Real Origin of Government*. London: [b. i.]. 61 p.

REFERENCES

- Clark, J. C. D. (2000). *English Society 1660—1832: Ideology, Social Structure and Political Practice During the Ancien Regime*. London: Longman. 412 p.
- Dickinson, H. T. (1976). The Righteenth Century Debate on the Sovereignty of Parliament. *Transactions of the Royal Historical Society. (December)*, 26: 190—209.

- Duncan, F. E. (2015). *The Development of a Tory Ideology and Identity, 1760—1832. Unpublished PhD Thesis*. Sterling: Stirling University. 290 p.
- Eastwood, D. (1993). John Reeves and the Contested Idea of the Constitution. *British Journal for Eighteenth Century Studies*, 13: 196—214.
- Feiling, K. (1938). *The Second Tory Party*. London: Hodder & Stoughton. 392 p.
- Gunn, J. A. W. (1974). Influence, Parties and Constitution: Changing Attitudes, 1783—1832. *Historical Journal*, 17 (2): 298—316.
- Klochkov, V. V. (2017). *The Tory-Conservative Party and the “constitutional Revolution” of 1822—1835 in Great Britain*. Rostov-on-Don: Southern Federal University Press. 480 p. (In Russ.).
- Maconochie, A. (1809). Whig and Tory at the Time of the Glorious Revolution. *Quarterly Review*. (November), 2 (4): 240—258.
- Pendleton, G. T. (1976). *English Conservative Propaganda During the French Revolution, 1789—1802. Unpublished PhD Thesis*. Atlanta: Emory University. 264 p.